

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, лонскати града Тьматороканя (v), а любо испити шелокомь Дону. Уже соколома крильца прилѣшали поганыхъ саблями, а самую олустоша въ лутины желѣзны,

Кисановой, и не полешѣли къ морю синему. „Бояре Князю опвѣчали“ „одоула печаль умы наши! сонъ сей значилъ: что слѣтѣли два сокола съ золопаго родипельскаго Преспола доспавапъ города Тьмушаракани, или шлемомъ изъ Дона напишья воды, и что пѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опушины желѣзныя,,

---

„пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а иногда и нѣкоторыя снесенія бывали шамъ дѣланы, — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ жъ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье.

(v) Тьмушараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмушараканью. — Смощри Истор. Исслѣд. о Тьмушараканскомъ Княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.